

Алексей Русанов

Запасной

12+

Алексей Юрьевич Русанов

Запасной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64101861

SelfPub; 2021

Аннотация

Рассказ в жанре альтернативной истории, в котором некоторые хорошо известные эпизоды из истории советской космонавтики обнаруживают невероятную подноготную.

Алексей Русанов

Запасной

КУ-КУ КУКУРУЗА УРА Я могу говорить!

Да! Да! Я снова могу говорить! И – пусть не вслух, не голосом, но письменно – главное: я могу запечатлевать свои впечатления! Они переполняют меня! Я даже растерялся и не знаю с чего начать – с мыслей или воспоминаний! Я так хотел говорить, но теперь мне кажется, что и сказать-то мне нечего. Что всё это глупо, наивно и пусто.

Футболом интересуетесь? Станный вопрос, согласен. Нет, я ни за какую команду конкретно не болею. Я болею за дубли. Вы в курсе, что у каждой команды есть дублирующий состав и что у них есть даже свой чемпионат? Вы когда-нибудь игру дублей смотрели? – Это вам не первые составы фаворитов второй лиги. Такие страсти только на Чемпионате Мира или Европы увидеть можно. Шекспир! Хотя снаружи – зачастую унылое перекачивание мячика из лужи в грязь. Они ведь не на результат играют, и не против соперника, и не друг с другом конкурируют, и даже не с собой борются. Всё это давно в прошлом. Судьба – вот их единственный и главный соперник! Примерно половину дубля и половину осно-

вы можно смело поменять местами, и игра основной команды хуже не станет. Но всё же Судьба их распределила именно эдак, так что одни всегда при болельщиках, как бы плохо они не играли, а другие – при пустых трибунах. Это как быть актёром, которого и на эпизоды не берут, и даже в массовке не выпускают, зато раз в неделю дают сыграть в пустом зале – вдруг помреж в ком-то заметит какую-то искру. Скорей всего не заметит и не смотрит он в ту сторону никогда, но крохотные шансы всегда есть, и – значит – надежда жива!

Эта прелюдия – моя любимая. Тема нестандартная, собеседник легко озадачивается, а поскольку выпить уже собрался, предлагает присоединиться «За Надежду и преодоление Судьбы!» Я, конечно, поддерживаю, но не бодренько, а как бы слегка уйдя в себя призадумавшись. Потом, будто не совсем по теме – а у меня на самом деле всё по минутам расписано, мне же надо до следующей станции и эту бутылку с ним выпить, и на бутылку с собой этого попутчика раскрутить, чтобы в обратную сторону на поезд запрыгнуть и к утру снова быть в части – потом я, будто не совсем по теме, то ли уныло, то ли тревожно, вворачиваю, что вот, мол, уже почти год, как наши никого запускают, а у американцев уже десять человек слетало! пять полётов! в космос выходят! маневрируют! по две недели летают! Куда наши смотрят? О чём думают? И – как бы самому себе, негромко – давно уже из отряда ни с кем не виделся...

С этого момента он мой: теперь уже я сам командую, когда

пора налить, а сам – вроде как даже охотно, но в то же время постоянно осаживая себя (под подпиской ведь, сам понимаешь) – веду полупьяный трёп про отряд, какие-то байки, мелкие секретки (только, смотри, молчок! никому! могилла!). И всё это на волне эдакой горечи, которую вроде скрываю, а скрыть не могу – где тот отряд, где я был чуть ли не первым номером? и где и кто я теперь – странный мужик в лётной куртке, рассказывающий небылицы за дармовую водку в вагоне-ресторане ночного поезда, ползущего сквозь ДальВО. На самом деле я практически трезв – уже не забирает, и все свои обиды горькие только изображаю. На самом деле я это всё уже проходил и теперь воспроизвожу по памяти, для того, чтобы выманить вторую бутылку, на обратную дорогу без попутчика и без собеседника. А для этого нужно очень точно всё рассчитать, чтобы минут за 10 до нужной станции, как бы по-пьяни расколоться, что я был вторым дублёром у Чайки, и если бы не разного рода интриги, вполне мог бы полететь вместо него. Тем более, что до последнего момента, вплоть до государственной комиссии, мы и были – два главных кандидата, а Тушин всегда шёл лишь третьим номером... На этом признании чары развеиваются и жертва понимает, что её банально развели на пол-литра, что никакой я не космонавт, отчисленный из отряда, а толи техник, толи лётчик действительно имевший какое-то далёкое к тому отношение, а теперь перебравший халявной водки и свалившийся в штопор пьяных хвастливых бредней: забавно, но

водки не жаль, ведь байки довольно правдоподобные, будет чем поделиться, а мужик – слабак, хотя и военный.

Всё, мышеловка захлопнулась. Я выдерживаю паузу, не больше и не меньше, а так, чтоб он вполне насладился своей благородной снисходительностью, простёртой на меня милостиво и широко. Потом, изобразив на лице концентрацию, пустив дыхание носом, не вполне скоординированными движениями копаюсь в карманах куртки и извлекаю корочку. Кладу перед ним – смотри! А там всё как положено – моё фото, синие печати и: «Любшин Алексей Григорьевич, капитан. Космонавт №1». Чуть-чуть протрезвев, устало объясняю в его квадратные семикопеечные глаза: «Нам накануне всем троим такие выдали – переиграть ведь и на последних минутах могли, а человеку без документов нельзя, даже в космос. Мало ли где посадка может случиться – живой, не живой, а должен быть при документах»... Забираю корочку. Пауза. «Вот так!», – говорю я, разом подытоживая и наш разговор, и допитуя бутылку водки, и будто всю свою, не ставшей космической, бестолковую жизнь. «Прощай! Вон моя станция», – нетвёрдой, но достаточно уверенной походкой, я выхожу из-за столика. Оборачиваюсь: «Может, на посошок?» Он кидается к бутылке – она пуста. Я, с горькой, но прощающей всё улыбкой, хлопаю его по плечу. Иду к выходу. Он догоняет меня, вручает целую пол-литру.

Через несколько минут я уже еду в обратную сторону. Одиноко пью в тамбуре, собеседник не нужен. Все те же сло-

ва и те же обиды, но уже для себя и в сотни раз горше. Бедная, бедная моя Лидка.

В *ту* ночь всё было как обычно. А может и нет – раньше Лидка никогда меня не закрывала, а тут вдруг без уведомления перевела в младшую ясельную группу, ушла на ночное дежурство и закрыла на ключ. Глупая девочка: решила, что для лётчика третий этаж – высота непреодолимая. Тем более для прыжка в сугроб. Впрочем, если бы не закрыла, я бы всё равно ушёл – у меня уже это привычкой стало, некоей потребностью. Не напиться, что наверное достижимо, но пока что ещё не пробовал, а именно что вот выпить изрядно вот этим вот самым железнодорожным способом, чтобы этот чад в душе от отчаянья и обиды маленько попритушить. Правда, раньше только обида была, ведь ещё оставалась надежда. – Я надеялся, что весной поеду в Москву, увижусь с Князовым (ребята помогут), и он прохоратайствует о моём возвращении, ведь он всегда ко мне хорошо относился. Я бы начал подготовку с нуля, тем более, что очень многое пропустил за три года, но, главное, я бы больше не пытался стать лучшим или – будучи им – не пытался бы это доказывать. Я бы тихо и скромно стоял в очереди на полёт, стараясь, чтобы стоящие впереди не видели во мне угрозы, а стоящие сзади не пытались сожрать и продвинуться на одно место вперёд. Это был бы совсем другой Лёша Любшин, когда-то бездар-

но вылетевший из первого отряда под сдержанное одобрение конкурентов и великодушный нейтралитет тех, кто обошёл его не вполне по-спортивному. Новый Лёша Любшин был бы гораздо, гораздо умней и покладистее, но... Он не родился, эта возможность умерла вместе с Князевым, примерно месяц назад.

Вот так, в моей почти что выученной наизусть печальной истории для продажи недорого в вагоне-ресторане появился новый аргумент для уныния – смерть Главного Конструктора Князева. Так, что когда я в *ту* ночь предложил помянуть его, попутчик мой – мужик заметно меня постарше, сдержанный, но отзывчивый, как-то так не явно, но от чего-то очень к себе располагающий – откликнулся на это охотно и добавил: «Чтобы Медведеву удалось заменить его хотя бы наполовину!» Я даже не вздрогнул, хоть это далось не просто. Мы выпили, закусили, я молча глядел перед собой, якобы в своих традиционных, печальных и пьяных думках, а сам судорожно соображал: не говорил я ему про Медведева, не упоминал вовсе; о том, что Медведев назначен Главным, сам узнал только недавно; значит, дядька этот, раз уж он в курсе, в курсе и о многом другом, но мне об этом ничего не сказал, а только слушал и наливал; значит, точно, что не гражданский, а скорей всего комитетчик. Плохо – я и так отстранён от полётов, а теперь впереди ещё и разборки с первым отделом. Ужас, как плохо. И началось всё четыре года назад, с этого дурацкого похода за пивом. С тех пор всё только хуже,

хуже и хуже. Хоть перед этим каждый раз кажется, что хуже уже быть дальше некуда!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.